

большой / небольшой : большой, огромный, высокий, просторный, высотный / небольшой дом, невелички-дома и т. д.

Подводя итоги, отметим, что лексико-семантическое поле «дом» имеет характерную для него структуру, ряд дифференциальных признаков и специфические субъективные отношения. Исследуемое лексико-семантическое поле (ЛСП) коррелирует с ассоциативным полем слова «дом». Для подтверждения этого положения сопоставим наше ЛСП с реакциями на слово «дом», имеющимися в соответствующей статье «Словаря ассоциативных норм русского языка»². Произведем наложение слов-реакций словаря на предлагаемую нами структуру.

Элементы дома: крыша, окна, стены.

Части дома: квартира, комната, веранда, чердак.

Окружение дома: сарай, сад, двор, дорога, тротуар.

Обитатели дома: семья, хозяин, мама, мать, ребенок, сосед, сын, человек, (домовой).

«Начинка» дома : ванна, кровать, стол.

Процессы : жить, погулять, поехать, построить, строить, (хочу, помнить).

Признаки дома : новый, родной, красивый, большой, высокий, светлый, двухэтажный...

Местонахождение дома : в Актюбинске, квартал, планета, на опушке, на углу.

Не вошли в предлагаемую структуру слова-реакции: корова, птица, хаос, уют, Аягус, долго, так!

Особо выделим группу слов-реакций, обозначающих тип дома: здание, изба, очаг, хижина, жилище, жилье, крепость, дача, обитель, общежитие, строение, хата, хибара, (школа).

Введение этой группы слов, обозначающих тип дома, в структуру ЛСП «дом» позволит расширить его до уровня ЛСП «жилище».

Даже не очень углубленное исследование лексико-семантического поля «дом» уже позволяет сделать вывод, что газетный язык служит достаточным основанием для лингвистической реконструкции как данного явления культуры (дом), так и других явлений. Такая особенность газетного языка, как его актуальность, накладывает отпечаток и на полученное ЛСП, которое может быть маркировано как ЛСП «дом» образца 1984 года. Говоря об особенностях поля, отметим, что оно строится на основе сочетаемости ассоциативного типа, т. е. поле представляет собой совокупность ассоциаций значительного количества представителей общества. Это свидетельствует, в свою очередь, о том, что именно в таком виде это поле представлено в общественном сознании.

¹ Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике.— М., 1962.— Вып. 2.— С. 133.

² Словарь ассоциативных норм русского языка.— М., 1977.

ЛИДИЯ МАЗУР-МЕЖВА

ПРОЦЕСС СУБСТАНТИВАЦИИ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительный анализ материала переводов с русского на польский показывает, что субстантивация причастий и в русском, и в польском языках относится к одному из активных словообразовательных типов. И в том, и в другом языках встречаются субстантивированные причастия, которые по степени потери ими своего первоначального значения как особой формы глагола прошли три стадии субстантивации.

О полной субстантивации говорится в тех случаях, когда причастие не может употребляться как глагольная форма и выполняет функцию только существительного. Таких случаев очень мало в русском, почти нет в польском языке. Субстантивированным русским причастиям

типа *вселенная, мороженое, насекомое* соответствуют в польском языке существительные *wszechświat, lód, owad*.

О полной субстантивации в польском языке можно говорить и тогда, «когда причастие не может уже выступать в атрибутивной форме. Пока в польском языке существует основной глагол, причастие не подвергается полной субстантивации»¹, например: *A potem zjawiała się przy nim wysoka, chuda rapna, odziana w białą flanelę — Angielka, jego narzeczona — i wyjechali* (21); А потом появилась около него высокая, худая девушка, одетая в белую фланель — англичанка, его невеста — и они уехали (23).²

В современном польском языке уже отсутствует глагол *narzecz*, который еще в цитатах из XVIII века встречается со значением «обещать»,³ поэтому форма: *narzeczony — narzeczona* в современном польском языке является субстантивированным причастием, подвергшимся полной субстантивации; раньше это причастие могло выполнять функцию определения. В данном примере субстантивированное причастие *narzeczona* переведено на русский язык именем существительным *невеста*. В этом предложении и в русском, и в польском языках рассматриваемые слова выступают как приложения.

К этим же случаям можно отнести и такие субстантивированные слова, как *przełożony* со значением «заведующий, шеф», которое раньше в польском языке выступало и в функции определения, а сейчас может выступать только как существительное, например: *on był moim przełożonym*.

О неполной субстантивации мы можем говорить тогда, когда причастие выступает и как особая форма глагола в атрибутивной и предикативной функциях, и как субстантивированное слово, выполняющее роль подлежащего или дополнения. При этом, как и в предыдущем случае, причастие, подвергшееся процессу субстантивации, не только теряет грамматические признаки особой формы глагола, но и изменяет свою семантику, например: Их вывели, и *председательствующий* представил слово *обвиняемым* (218). *Wyprawadzano ich i przewodniczący oddał głos oskarżonym* (227). В данном примере и в русском, и в польском языках субстантивированные причастия *председательствующий — przewodniczący* выполняют функцию подлежащего; субстантивированные причастия *обвиняемым — oskarżonym* выступают как дополнения. В примере: У печки знаменитый писатель Чернобылин ел рыбу с брусникой и поминутно оглядывался злыми пьяными глазами на *проходящих* (16). *Przy piecu znany pisarz Czernobylin jadł rybę z borówkami i co chwila oglądał się na przechodzących złymi, pijanymi oczyma* (13), причастия *проходящих — przechodzących* выступают в функции дополнения и занимают постпозицию.

Третьим и основным видом субстантивации, выступающим в обоих славянских языках (русском и польском), является субстантивация окказиональная, т. е. переход причастий в разряд существительных в условиях данного контекста. Окказиональная субстантивация действительных и страдательных причастий встречается в подобных примерах: Глядеть на *спящего* было так тяжело, что Елизавета заплакала (65). *Patrzeć na śpiącego było tak ciężko, że Jelizawiecia Kijewna rozpłakała się* (63); Число *мобилизованных* подходило к двадцати четырем миллионам (207). *Ilość zmobilizowanych dochodziła do dwudziestu czterech milionów* (210); Но он был из *презираемых* (21). *Ale on należał do wzgardzonych* (18); Офицеры, тесно сгрудясь над *борющимися*, молчали (213). *Oficerowie, ciasno stłoczywszy się dookoła walczących, milczeli* (223).

Во всех этих примерах русские субстантивированные причастия переведены на польский язык той же грамматической категорией. Как показывает анализируемый материал, окказиональная субстантивация в русском языке подвергаются в основном слова, обозначающие одушевленные предметы в форме всех трех родов, в польском же языке среди

окказиональных субстантивированных причастий больше слов с семантикой лица, но в отличие от аналогичных русских субстантивированных причастий в польском языке причастия выступают только в форме двух родов — мужском и женском. Например, не встречаются формы типа: *matka uspokajała płaczące, zobaczyła klęczące* по отношению, например, к ребенку (ребенок — *dziecko* в польском языке существительное среднего рода). Что касается субстантивированных причастий, обозначающих неодушевленные предметы, то они и в польском языке могут подвергаться субстантивации в форме всех трех родов, например: *Milion — to główna wygrana w toto-lotka*.

Процесс субстантивации отличается от адъективации. При адъективации происходит меньший разрыв между причастием и адъективированным словом.⁴ Субстантивированное причастие, выполняя синтаксические функции, свойственные существительному, только тогда лишается глагольных признаков, когда, теряя семантическую связь с основным глаголом, становится изолированной от глагола языковой формой. В то же время все причастия, подвергшиеся субстантивации окказиональной, сохраняют категории залога, вида, времени — значит семантически они отличаются от адъективированных причастий, у которых именные признаки превалируют над глагольными, а в большинстве случаев последние вовсе утрачиваются.

Степень субстантивации причастий бывает различной. В процессе субстантивации название предмета заменяется названием его наиболее характерного и постоянного свойства. И в зависимости от того, насколько причастием утрачено значение признака, действия или состояния, можно говорить о той или иной степени субстантивации.

И в русском, и в польском языках основным видом субстантивации является субстантивация окказиональная. Не всегда русские субстантивированные причастия передаются на польский язык той же формой, и не все польские субстантивированные причастия можно передать на русский язык такой же грамматической категорией.

Например: С тех пор об *уехавшем* она не говорила ни слова (203). *Odtąd nie mówiła ani słowa o tym, który odjechał* (212); *Достижные* той стороны вылезали на берег (184). *Ci, którzy przeszli na drugą stronę, wyszli na brzeg* (192). Встречаются примеры (6 из 70), в которых русское субстантивированное причастие передано на польский язык именем существительным, например: *Командующий* русской дивизией генерал Добров, полгода тому назад с высочайшего соизволения переименованный на такую свою прежнюю нерусскую фамилию, сидел за преферансом в то время, когда было получено сообщение о наступлении немцев в секторе Усольского полка (18). *Dowódca dywizji rosyjskiej, generał Dobrow, który przed półrokiem z najwyższego zezwolenia zamienił swoje nirosyjskie nazwisko na powyższe, grał w preferans, kiedy otrzymano meldunek o natarciu Niemców na odcinek pułku Usolskiego* (188); Только что приехал наш *уполномоченный* — Чумаков (171). *Dopiero co przyjechał nasz pełnomocnik, Czumakow* (177).

Остальные 52 примера (из 70) переведены на польский язык также субстантивированными причастиями. В силу того, что в польском языке не функционирует древняя славянская система причастий (в современном польском языке имеется только одна пара причастий: действительного залога настоящего времени и страдательного залога прошедшего времени), а в русском она полностью сохранилась, субстантивированные причастия в русском языке богаче и в количественном отношении и по разнообразию форм.

На основе анализа собранного материала (из всего собранного материала — 900 примеров с причастиями, 70 примеров с субстантивированными причастиями на русском и 56 на польском языке) можно сказать, что и в русском, и в польском языках субстантивации может подвергаться любое причастие, выполняющее синтаксическую функцию подлежащего или же дополнения, но степень субстантивации может быть различ-

ной, и это в основном зависит от частоты употребления причастий в качестве субстантивированных слов, от широкого контекста, от сохранения основы глагола в ее основной функции.

Для анализа нами использовалась первая часть трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» в русском оригинале и ее перевод на польский язык. Всего в этой части употреблено 900 причастий, которые на польский язык переведены или этой же грамматической категорией (в 570 случаях), или различными предложно-падежными словосочетаниями, или придаточными предложениями (104 примера), 32 передано прилагательными, 21 существительными, 54 личными формами глагола, 15 предложными словосочетаниями, 14 деепричастием, 16 — целыми сочетаниями. Имеется 87 примеров на русском языке с причастиями, выступающими в присвязочной части составного сказуемого; такой же конструкцией передано на польский язык 62 примера; остальные 18 переведены придаточными предложениями или же глагольными формами.

¹ Bartnicka B. Adiektywizacja imiesłowów w języku polskim.— Warszawa, 1970.— S. 146.

² Все примеры приводятся по книгам: Толстой А. Хождение по мукам.— М., 1959; Tolstoj A. Droga przez mękę / Przekład Wł. Broniewskiego.— Warszawa, 1954.

³ Bartnicka B. Ibid.— S. 147.

⁴ См.: Jodłowski S. Substantywacja przymiotników w języku polskim.— Wrocław, 1964.